

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-2-14-26

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС КРИЗИСНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Т. И. Хайнацкая

Хайнацкая Татьяна Игоревна, младший научный сотрудник,
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е. М. Примакова РАН.
E-mail: tkhaynatskaya@gmail.com (ORCID: 0000-0002-6364-4765).

Аннотация

В числе проблем окружающей среды, с которыми сегодня сталкивается человечество – изменение климата и сокращение биоразнообразия. Это свидетельствует о нарушении хрупкого природного баланса и наступлении системного экологического кризиса, связанного с безудержным ростом потребительского отношения к природе и ее ресурсам. Деграция окружающей среды заставляет искать новые паттерны взаимоотношений человека и природной среды. На основе анализа научных дискурсов о социальной составляющей природы кризиса и концепций развития рассматривается роль экологической идентичности в антикризисном управлении. Несмотря на то, что категории идентичности и ее составляющим посвящены многочисленные исследования, понятие экологической идентичности появилось в лексиконе социальных наук относительно недавно. Изучается ее природа, методы формирования и оценки состояния, однако потенциал самой категории как способа решения политико-управленческих задач остается малоизученным. Важность исследования экологической идентичности в предметном поле политической науки обусловлена объяснительным потенциалом этого концепта для политического процесса, поскольку экологические проблемы находятся сегодня в центре политической повестки дня. Автор показывает, что формирование индивидуальной экологической идентичности, переход от когнитивного к деятельностному компоненту самоидентификации способствуют становлению групповой экологической идентичности, которая может приобретать политизированные формы, оказывая непосредственное влияние на процесс принятия политических решений. Экологическая идентичность выступает в качестве саморегулятора поведения индивида, а проэкологическое поведение снижает экологическую нагрузку, что в дальнейшем может способствовать разрешению экологического кризиса и/или смягчению его последствий.

Ключевые слова: экологическая идентичность; экологическая политика; антикризисное регулирование; экологические дискурсы; политизация идентичности.

На протяжении многих веков человек и природа выступали частью одной экосистемы, но с течением времени люди все больше отчуждались от нее. Изначально считалось, что технологический прогресс имеет только положительное влияние на общество, стимулируя его дальнейшее развитие (Goldblatt, 1996). Однако с технологическим и производственным прогрессом, а также в ходе промышленных революций разрыв между обществом и окружающей средой только углубился, вследствие чего люди перестали ощущать себя ее частью. В дальнейшем это породило конъюмеристское отношение к природному капиталу и привело к вхождению человека в эпоху экологического и климатического кризисов на рубеже XX–XXI вв. Окружающая среда сегодня продолжает деградировать. Согласно докладу «Глобальная экологическая перспектива б», подготовленному Программой ООН по окружающей среде (далее – ЮНЕП) в 2019 г. экологическая ситуация в мире продолжает ухудшаться (ЮНЕП, 2019). Истощение природных ресурсов, экологические катастрофы и изменение климата были следствием подобного одностороннего отношения.

В 1990-е гг. широкое распространение получила концепция «общества риска», которое У. Бэк определяет как «систематический способ борьбы с опасностями, вызванными модернизацией» (Бек, 1992: 21). При этом сами риски непрерывно продуцируются. Они делятся на средовые, внешние и искусственные (Giddens, 1999), последние отличаются значительным участием человека как в их создании, так и в снижении их уровня.

В ответ на такие риски и изменения стали зарождаться идеи энвайроментализма, биоцентризма, биоконсерватизма, концепции об альтернативных траекториях развития, основанные на устойчивых отношениях человека с природой и на устойчивом потреблении природных ресурсов. Новые «зеленые» движения побудили государства, международные организации и некоторые корпорации задуматься о причиняемом ущербе и приступить к принятию мер по защите окружающей среды и рациональному природопользованию. Появился запрос на формирование «постматериальной» модели развития. При этом актуализируется роль человека в кризисном урегулировании. Идея о необходимости сохранять окружающую среду, избегая непоправимого ущерба и заботясь о будущих поколениях, прочно закрепились в сознании людей.

Существует два диаметрально противоположных подхода к конструированию экологической политики, которые поддерживают дихотомию – «антропоцентризм – экоцентризм». Идеи антропоцентризма основаны на человеческом превосходстве и восприятии мира с точки зрения их ценности для человека, когда животный и растительный мир, ископаемые ресурсы используются для удовлетворения потребностей. Характер взаимодействия строится на экономическом императиве (Кудрявцева и др., 2017). В рамках данного подхода экологическая политика ставит своей целью сохранение природы как ресурса для комфортного существования человечества. В противовес этому экоцентризм, известным представителем которого считается основатель глубинной экологии А. Насс, распространяет принципы этики и на животных, и на природные системы. Однако этот подход критикуют за утопизм и «безнадежный поиск» (Grey, 1993).

Важно отметить, что большинство современных экологических концепций и стратегий имеют преимущественно антропоцентрическую направленность, ввиду этого сохраняется кризисное состояние природных систем (McShane, 2016). Отмечается незначительный прогресс по итогам осуществляемых на современном этапе мер, таких как стандартизация и регулирование. С 1972 г. количество законов, направленных на защиту окружающей среды, увеличилось в 38 раз, однако неспособность полностью реализовать и обеспечить соблюдение этих законов является одной из самых серьезных проблем (UNEP, 2019). Низкие показатели проэкологического поведения, указывают на разрыв между осведомленностью об экологических проблемах и реальной деятельностью по защите окружающей среды (Mikuła & Utzig, 2021). Эксперты уже давно заявляют о важности экологического просвещения для всех групп граждан и формирования экологического сознания и идентичности (Iizuka, 2000), сегодня это приобретает особое значение.

Мировоззрение – это система взглядов и представлений индивида на мир, ценностные ориентиры, а идентичность проецируется на бытие в этом мире. Экологические ценности отражают личные убеждения и коллективные представления о значении природы и как люди должны к ней относиться. «Здоровая» окружающая среда напрямую связана с благосостоянием и процветанием человечества. Бережное отношение к окружающей среде основано на идентификации с природой и мировоззрении, побуждающем людей воспринимать себя как ее часть и действовать в ее защиту.

Данное исследование основано на анализе эколого-политических дискурсов. В последние десятилетия экологические проблемы находятся в поле зрения ученых и экспертов из различных отраслей науки. Особое внимание уделяется экологическому кризису, его последствиях и способов предотвращения. В данном исследовании за основу взято понимание экологического кризиса как «состояние бифуркации экосистемы, обусловленное изменением ее биогенных констант» (Борзова, Олейников, 2017: 122). Вокруг него образовался алармистский дискурс, который осложняет процесс принятия политических решений. Без высокого уровня экологической озабоченности/чувствительности и сформированной экологической идентичности форсированные правительствами меры не будут полностью реализованы.

Экологический кризис

У. Бэк отмечает, что общество развивается с сопутствующими процессами «распределения богатства» и «распределения риска» (или же избегание риска) (Beck, 1992: 9), при этом стремление к распределению богатства направлено на обеспечение материальных потребностей общества. Такая логика оправдывает сложившуюся экономическую модель, которая не предполагает ограничение производства товаров. Соблюдение этих принципов сохраняется до тех пор, пока общие материальные потребности не снижаются за счет роста производительности труда и/или перераспределительной политики государства всеобщего благосостояния (Marshall, 1999). После удовлетворения материальных потребностей целесообразность распределения богатства теряет свою актуальность, уступая

место необходимости распределения риска (Beck, 1992). В обществе риска появляется опасность и потенциальные угрозы, высвобождаемые экспоненциальным ростом производительных сил в процессе модернизации, что приводит к кризисной ситуации вокруг экологических проблем.

Увеличение числа экологических катастроф подтолкнуло ученых и экспертов к анализу антропогенного влияния на экологические системы. Работы, посвященные будущему человечества, неминуемым изменениям в экосистемах, такие, как «Безмолвная весна» Рейчел Карсон (1962), «Трагедия общин» Гаррета Хардина (1968) и известный доклад Римскому клубу «Пределы Роста» (1972) стали частью научного, околонучного и политического дискурсов и стимулировали появление различных вариантов экологических мониторингов, индексов и сценариев. Сегодня наиболее известными представляются доклады МГЭИК (Межправительственной группы экспертов по изменению климата), которые говорят о неминуемом повышении глобальной температуры на 1,5° и глобальной катастрофе, что ставит под угрозу существование людей. По прогнозам большинства экспертов, современное общество движется к точке невозврата, которая изменит сложившийся жизненный уклад и политический порядок.

Рассматривая категорию экологического кризиса, можно выделить три основных типа проблем: 1) вызванные чисто природными условиями, 2) вызванные или усугубленные деятельностью человека, и 3) возникающие в результате растущего спроса человека на источники энергии для питания инфраструктур, приобретающих со временем все большую энергозависимость (Bentley, 2009). Если углубиться в изучение причин экологического кризиса, то корнем проблемы являются фундаментальные взгляды, убеждения и ценности, на которых базируется культура потребления и экономического роста. Ввиду процесса глобализации экологические проблемы только усугубились. Согласно выводам ученых Университета Южного Уэльса, большой ущерб исходит от богатых домохозяйств в развитых странах (Wiedmann et al, 2020). Приблизительно 1/3 выбросов в развитых странах приходится непосредственно на индивидуальное потребление (Vandenbergh et al, 2010), за которыми стоят модели рыночной экономики (Конашев, 2019).

Опасность экологического кризиса заключается в том, что он углубляет социальные размежевания в обществе. В непропорционально большей степени кризис оказывает влияние на уязвимые слои населения, поскольку ведет к ухудшению качества жизни и росту давления на семейные бюджеты. По большей части люди хотят стимулов для изменения своего поведения и поддержки лучшей инфраструктуры, а не запретов или новых налогов. В силу этого в обществе могут возникать противоречия между теми, кто имеет доступ к процессу принятия решений и тех, кто не имеет. Это ведет к усилению позиций правых популистских партий, которые преподносят климатическую повестку как элитарную, к примеру как партия «Альтернатива для Германии». Государство должно убеждать граждан в необходимости и справедливости роста цен на важные для жизнеобеспечения ресурсы, чтобы поддерживать политическую стабильность и согласие в обществе. Для климатической и экологической политики актуальным остается поиск сбалансированного подхода к решению проблем окружающей среды.

На современном этапе развития главными измерениями экологического кризиса представляются изменение климата, снижение биоразнообразия и мусорное загрязнение. В совокупности все экологические проблемы меняют «химию» планеты. Как отмечено в алармистских докладах, если в течение ближайших восьми лет мы не снизим выбросы CO₂, то мир ждут колоссальные изменения. Тайфуны, ураганы, лесные пожары, экстремальные значения температуры будут спутниками человеческой жизни, и человеку придется приспосабливаться к новым реалиям. Уже сегодня наблюдаются такие аномальные явления, как наводнения в Германии, рекордные значения температуры, которые приводят к увеличению масштабов природных пожаров в России, Австралии, Греции, Италии (Sengupta, 2020) и др.

Общественные настроения свидетельствуют о растущем осознании рисков, связанных с неограниченным экономическим ростом и модернизацией. Это подтверждается принятием Целей устойчивого развития (2015), их продвижением на всех уровнях, особенно в бизнесе. Компании уже давно признают ответственность за причиняемый экологический ущерб, и его минимизация стала императивом ведения бизнеса. В настоящее время 21% крупнейших публичных компаний мира из 2 тыс. имеют обязательства по нулевым выбросам (The Energy & Climate Intelligence Unit, 2021). Корпорации символически окрашивают свою продукцию в зеленый цвет и принимают экологические концепции развития – это неотъемлемая часть бизнес-процесса, в то время как на уровне индивида экоповедение только начинает укореняться в повседневной жизни. В ЕС только 5 стран демонстрируют высокий уровень про-экологического поведения (например, Швеция, Дания, Финляндия и

т. д.), 14 стран имеют низкие показатели (Испания, Греция, Румыния, Польша и т. д.) (Mikula & Utzig, 2021). Очевидно, что шаги по преодолению кризиса должны инициироваться самим человеком. Переориентация ценностей, изменения мышления и формирование экологической идентичности являются способом выхода из экологического кризиса.

Концепт экологической идентичности

Сегодня ученые нередко обращаются к категориям и концепциям, отражающим субъективный уровень восприятия человеком окружающей среды, таким, как экологическое сознание, экологическая культура, экологическая грамотность и другие, затрагивая те или иные аспекты экологической идентичности. Эти понятия описывают разные аспекты общего исследовательского поля. Для понимания истоков интереса к концепту экологической идентичности в научном дискурсе важно сопоставить эти концепты друг с другом.

Впервые термин «экологическое сознание» появился в работах, посвященных экологической проблематике, в 70-х гг. XX в. в ответ на отделение человека от природных систем и как следствие – экологический кризис (Devall, 1983). Термины «ecological consciousness» и «environmental consciousness», описывающие экосознание, можно перевести одинаково, однако их смысловые категории отличаются. Если понятие «ecological consciousness» подразумевает практикоориентированный подход, который включает в себя ответственное потребление и природопользование, то «environmental consciousness» имеет философское наполнение. Экологическое сознание может выступать как «очень сложная, саморегулирующаяся система, сформированная для решения задач установления, стабилизации или изменения взаимоотношений с природой и ее объектами, возникающих в процессе удовлетворения потребностей человека» (Дерябо, Ясвин, 1996: 21). Особенность экологического сознания заключается в том, что оно включает в себя как антропоцентричный, так и эоцентричный компоненты (см. там же).

Другим важным понятием выступает «экологическая культура». Как отмечал российский социолог О. Н. Яницкий, экологическая культура – это «этические основания отношения общества и среды его обитания, в которой оно живет и которую оно формирует» (Яницкий, 2007: 6). Таким образом, экологическая культура помогает выстраивать базовые паттерны отношения с природой.

Приобретение экологической грамотности является важной основой для формирования про-экологического образа жизни. Экологическая грамотность представляет собой совокупность знаний об окружающей среде и природопользования, а также об индивидуальных и коллективных способах ее сохранения. Высокая экологическая культура и полученные экологические знания позволяют выстраивать устойчивые отношения с природной средой.

Данные категории являются предикторами экологической идентичности. Современное представление об экологической идентичности основано на работах в области психологии и в основном опирается на работы психологов и экологов, таких как С. Клейтон (2003), А. Фрид (2015), М. Томашоу (1995) и М. Мацубы (2012). В российском научном дискурсе экологическая идентичность трактуется в широком смысле, отражающем как социальную составляющую вопроса, так и проблему взаимовлияния природных экосистем и человека, в то время как в западной науке оно разделено на «environmental identity» и «ecological identity». В данной работе понятие **экологической идентичности** рассматривается как «связь индивида/группы людей с природной средой, идентификация себя как ее неотъемлемой части, которая отражается на восприятии проблем окружающей среды и индивидуальном/групповом поведении, стимулирует природозащитную деятельность и другие формы экологической активности» (Хайнацкая, 2021: 203).

Американский психолог Клейтон видит экологическую идентичность как элемент процесса формирования Я-концепции и ощущения связи с некоторыми составляющими нечеловеческого природного мира, основанного на личной истории, эмоциональной привязанности и/или близости. Эта связь, в свою очередь, накладывает отпечаток на восприятие и поведение человека по отношению к природному миру. Другими словами – это убежденность в том, что окружающая среда важна для человека и является значимой частью его сущности (Clayton, Opatow, 2003). Экологическая идентичность проявляется в ценностях, действиях и самовосприятии личности (Thomashow, 1995) и состоит из аффективного, когнитивного и поведенческого компонентов.

В последнее десятилетие в российской науке категория экологической идентичности стала объектом пристального изучения, авторы рассматривали ее через призму политических и экономических процессов. В отечественном эколого-политическом дискурсе экологическая идентичность рас-

считается как «ощущение единства с природой и окружающей природной средой, (которое) создает определенные социальные нормы, максимизируя полезность действий индивида в том случае, если они соответствуют нормам» (Терешина, Башмаков, 2017: 9). Среди ключевых элементов, на которые опирается экологическая идентичность – «желание заботиться об окружающей среде» (Саворская, 2017: 620). В планировании и прогнозировании результатов экологической политики исследование экологической идентичности играет значительную роль в силу ее способности объяснять поведение граждан на основе анализа их мотивации. Сильная экологическая идентичность стимулирует более дружественное для экологии (eco-friendly) поведение, продвижение экологических инициатив.

Растущее беспокойство по поводу глобальных и локальных экологических проблем стимулировало правительства (Kulin et al, 2021) и неправительственные организации по продвижению проэкологического поведения. Если обратиться к шкале экологической идентичности, предложенной Клейтон, то такие проэкологические действия, как сокращение и раздельный сбор отходов, ответственное потребление, компостирование, использование экологичных видов транспорта, проведение времени на природе, экотуризм, поддержка идей энвайронментализма (Clayton, Opatow, 2003: 62), можно расценивать как индикаторы наличия экологической идентичности.

В последние годы разрастается дискуссия о соотношении экологических и экономических приоритетов. Во многих странах наряду с внедрением экологического просвещения на всех уровнях образования – от детских садов до выпускных курсов университетов ведется активная «экологическая пропаганда». Тем не менее в странах и даже регионах существуют разные подходы, продиктованные различиями в уровне экономического развития, политической культуры, ресурсном обеспечении. И, как следствие, результаты такой информационной и образовательной политики также сильно отличаются.

Укоренение в обществе экологической идентичности влияет на трансформацию эколого-политических дискурсов (Ефременко, 2006) и повестку дня экологической политики, меняя общий вектор политического процесса. Лица, принимающие политические решения, рассматривают экологические и климатические проблемы в качестве приоритетных. Это представляется позитивным аспектом, но он может приобретать и негативную окраску. Алармистский климатический дискурс сегодня доминирует не только в научном поле, но и среди экономической и политической элиты, и в обществе. С одной стороны, это стимулирует разработку и усиление мер по защите окружающей среды, с другой – форсирует процесс принятия решений. Ярким примером является принятие Еврокомиссией под предводительством Урсулы фон дер Ляйн экологических приоритетов и Европейской зеленой сделки (далее ЕЗС) и дальнейшего продвижения зеленой траектории. Алармизация климатической проблемы создала импульс «снизу» (через экологические протесты, митинги и движения), что подтолкнуло ЕС к принятию этой амбициозной стратегии. Ввиду «необходимости срочных» действий многие аспекты проблемы этой политики не изучаются должным образом, что приводит к серьезным просчетам уже в реальности.

В России ситуация складывается иначе. В целом исследование, проведенное Клейтон и психологами из ВШЭ, показали результаты экологической идентичности ниже, чем в США или Канаде (Clayton et al, 2019). Отличается также доминирующий дискурс в политическом поле и приоритеты в формировании экологической идентичности. Если в большинстве стран доминирует климатический дискурс, то в России он слабо развит и основной акцент делается на проблему обращения с отходами.

Социальное измерение экологической идентичности раскрывается в ином виде, в отличие от остальных категорий идентичности. Связи устанавливаются не с социальной группой, а с неодушевленным объектом – природной средой. Благодаря переходу от когнитивного компонента к деятельностному, возникает групповая идентичность, которая выступает одной из движущих сил политических изменений. В результате процесса политизации экологических и климатических проблем возникает «коллективная политико-экологическая идентичность».

Политизированная идентичность рассматривается как отождествление себя с группой, вовлеченной в коллективную борьбу с несправедливостью и неравными властными отношениями (Klandermans, 2014). Кроме того, политизированная идентичность предполагает наличие более многочисленной группы, которая включает в себя как политизированных, так и неполитизированных членов (Dunlap, 2000). Коллективная идентичность (Пантин, 2017: 271) может принимать разные формы выражения – от экопротестных движений и экоактивизма до различных природоохранных инициатив. На процесс политизации экологической идентичности могут воздействовать как внешние факторы, которые влияют на форму, развитие организации (например, экологические катастрофы, алармистские доклады, политические меры и др.), так и внутренние (настроения в самой организа-

ции, как скандалы или успехи отдельных членов или группы в целом и т. п). Формирование коллективной экологической идентичности трансформируется благодаря появлению сетевого взаимодействия, которое способствует продвижению и распространению экологических ценностей. Показательным является деятельность молодежного международного движения «Пятницы для будущего», возникшее в 2018 г. со школьных забастовок, борющееся против политического бездействия государств в вопросе изменения климата (Короткова, 2020). Их сетевая структура позволяет им расширяться без каких-либо ограничений, привлекая новых единомышленников, которые взаимодействуют самыми разными способами.

Важно определить круг участников и акторов, их активность, включение в повестку дня и т. д. Каждый из них использует разные подходы и методы, которые зависят от их доступа к политическим инструментам и ресурсам. При этом круг акторов, участвующих в конструировании экологической идентичности, шире, чем традиционный круг вовлеченных в процессе формирования экологической политики субъектов. Посредством создания политических сетей они усиливают эффективность продвижения экологических принципов и проэкологического поведения. Анализируя вовлеченность акторов в политический процесс, можно проследить разные направления коммуникаций как «сверху вниз» (от государства и его институтов, органов власти и управления разных уровней), так и «снизу вверх» (от населения, ученых и экспертов), которые формируют государственную и региональную политику, как правительства государств, муниципалитетов, международные организации и др. Способ этих коммуникаций зависит от конкретного вопроса и от политической ситуации в стране.

При разработке стратегий формирования экологической идентичности в стране, местности, регионе следует принимать во внимание национальные и локальные культурные различия во взаимодействии с окружающей средой, характер политической культуры, ценностные ориентиры населения, но также остроту экологических проблем и их восприятия, уровень экономического развития и ресурсной обеспеченности экономики. Изучение феномена экологической идентичности, а также способов его конструирования представляется важным для реализации экологической и климатической политики.

Экологическая идентичность и политическое управление

Исследования политического процесса преимущественно основываются на изучении поведения его субъектов и акторов, механизмов продвижения интересов и деятельности политических институтов. Классические теории и подходы к изучению публичной политики, такие как теория рационального выбора, включают в политический анализ стимулы, мотивацию субъекта, его систему убеждений, которые оказывают влияние на процесс принятия решений. Идентификация с группой людей, придерживающихся схожих ценностей представлений о мире, политических взглядов, оказывает существенное влияние на установки и поведение человека в отношении окружающей среды, подталкивая членов группы к действиям в большей или меньшей степени в отношении окружающей среды (Fielding, Hornsey, 2016).

Выделяются четыре типа экологически ориентированного поведения: «непосредственный экологический активизм, неактивистское поведение в публичной сфере (поддержка существующей государственной экологической политики), частный экологизм (покупка, использование и утилизация предметов, влияющих на окружающую среду) и другие способы влияния и участия» (Stern, 2000; Donno et al, 2010).

В ответ на экологический и климатический кризисы можно наблюдать активизацию общественных климатических и экологических движений. Данные социологических опросов указывают на экспоненциальный рост экологической осведомленности (*environmental awareness*), которая влияет на электоральный выбор в пользу «зеленых» партий или тех, у кого вопросы экологии и климата включены в предвыборную программу. Экологическая политика (*policy*) была определена как ключевая основа постматериалистической политики (*politics*) (Inglehart, 1995). Укоренение постматериальных ценностей сформировало более образованный, интеллигентный, не склонный к подчинению и критически настроенный электорат, который не склонен голосовать за традиционные партии просто в силу привычки или из уважения к политической власти и, как следствие, находит альтернативные пути политической идентификации (Нау, 2007). Поэтому традиционные партии активно включают в свои предвыборные программы зеленую составляющую. Если посмотреть на предвыборную гонку в Германии в 2021 г., то можно увидеть огромное количество вопросов, связанных с экологией и клима-

том, в программах большинства партий. Также успехи зеленых партий на выборах связывают с их предполагаем экспертностью в вопросах отношения к окружающей среде.

Климатические вопросы в предвыборных программах (2021 г.) партий Германии

Партия	Климатические цели
ХДС/ХСС	а) достижение климатической нейтральности к 2045 г.; б) значительное расширение возобновляемых источников энергии; в) замена в промышленности водородом угля; д) поэтапный отказ от производства электроэнергии на угле к 2038 г.
СДПГ (Социал-демократическая партия Германии)	а) переход на возобновляемые источники энергии к 2040 г.; б) установка солнечных панелей в подходящих местах; в) превращение Германии к 2030 г. в «ведущий рынок» водорода; д) продвижение железнодорожных перевозок; е) продвижение электромобилей и инфраструктуры для них; ж) ограничение скорости на немецких автомагистралях. до 130 км/ч з) отказ от угля к 2038 г.
Союз 90/Зеленые	а) сокращение выбросов на 70% к 2030 г.; б) постепенный отказ от угля к 2030 г.; в) улучшение железнодорожного сообщения к 2030 г. (инвестиции в железные дороги должны достичь 100 млрд евро к 2035 г.); г) расширение использование возобновляемых источников энергии (приоритет ветряная и солнечная энергии), 100% переход на возобновляемые источники энергии к 2035 г.
СвДП (Свободная демократическая партия Германии)	а) свободный рыночный инструмент торговли квотами (распространение этой системы на все сектора).
«Левая»	а) достижение климатической нейтральности к 2035 г.; б) сокращение на 80% выбросов к 2030 г.; в) национализация крупных энергетических компаний.
АдГ (Альтернатива для Германии)	а) отторжение повестки защиты климата, ориентация на адаптацию к климатическим изменениям; б) сохранение электроэнергии, работающей на угле; в) выход из Парижского соглашения и от принятого плана правительством Германии по декарбонизации; г) против отказа от двигателей внутреннего сгорания в долгосрочной перспективе.

Источник: составлено автором на основе предвыборных программ партий Германии¹²³⁴⁵⁶.

С одной стороны, все больше европейских политиков высказываются за усиление охраны окружающей среды, даже если это будет происходить в ущерб экономическому росту. С другой, молодые люди берут на себя ведущую роль в политике, включаясь в политический процесс (Marrism, 2019). Молодое поколение в большинстве случаев располагает более широким арсеналом доступных средств политического участия (бойкоты, онлайн-петиции, забастовки, «культура отмены», онлайн-участие и др.). Здесь прослеживается прямая связь с поколенческой идентичностью. Исследования,

¹ Grünes Wahlprogramm zur Bundestagswahl (2021) [Online]. Available at: https://cms.gruene.de/uploads/documents/Wahlprogramm-DIE-GRUENEN-Bundestagswahl-2021_barrierefrei.pdf.

² Afd. Unser Programm zur Bundestagswahl (2021) [Online]. Available at: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2021/06/20210611_Afd_Programm_2021.pdf.

³ Die Linke. Die Linke Wahlprogramm zur Bundestagswahl (2021) [Online]. Available at: https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2021/Wahlprogramm/DIE_LINKE_Wahlprogramm_zur_Bundestagswahl_2021.pdf.

⁴ Freie Demokraten FDP. Das Wahlprogramm der Freien Demokraten zur Bundestagswahl 2021 [Online]. Available at: https://www.fdp.de/sites/default/files/2021-08/FDP_BTW2021_Wahlprogramm_1.pdf.

⁵ SPD. Das Zukunftsprogramm (2021) [Online]. Available at: <https://www.spd.de/programm/zukunftsprogramm/>.

⁶ CDU/CSU. Das Programm für Stabilität und Erneuerung. [Online]. Available at: <https://www.csu.de/common/download/Regierungsprogramm.pdf>.

проведенные Pew Research Center, показали, что молодые поколения по сравнению со старшими, как правило, больше заботятся об окружающей среде (Pew Research Center, 2021). Беспокойство современной молодежи по поводу изменения климата отражает общий набор ценностей, таких, как социальная справедливость, чувство глобальной ответственности и важность сохранения природной среды (Ross et al, 2019). Экологический активизм для многих молодых людей – это шаги, направленные на то, чтобы передать свою экологическую культуру через личный пример, который может вдохновить и мотивировать других изменить свои приоритеты (Heather et al, 2009).

Активисты и экологические организации сыграли значительную роль в продвижении социальных и политических изменений для решения климатического кризиса и других экологических проблем. Массовое распространение протестов в защиту окружающей среды в сочетании с интегрированием актуальных вызовов в социально-политическую повестку дня делает релевантным научное осмысление природы эоактивизма, мотивации протестующих и их ценностные ориентиры. Новый зеленый курс ЕС показал, что «общественность» была услышана и политические элиты готовы идти на конкретные меры по разрешению кризисной ситуации.

В ряде стран экологическая политика направлена на повышение уровня экологической осведомленности, однако для разрешения кризиса ее одной недостаточно. Экологическая осведомленность является первой ступенью на пути к формированию экологической идентичности. Доступ к знаниям сам по себе не укрепляет нашу связь с природной средой, а знание экологических проблем не обязательно приводит к мерам по их решению, отсутствует прямая связь между знаниями и действиями (Booth, 2021). Так, в странах ЕС люди осознают всю серьезность разразившегося экологического кризиса (Eurobarometer, 2021), однако ограничения, которые они готовы внести в свой образ жизни для борьбы с экологическим кризисом, не столь значительны.

Остро стоит вопрос об изменении потребительских практик и потребительского сознания (Dunlap, 2000). Продвигаемые меры, такие, как вегетарианство, использование общественного транспорта или каршеринга, не стали пока массовыми. Однако такие практики становятся все более доступными массовому потребителю и предлагаются как альтернатива устоявшимся моделям потребления. У людей появляется возможность делать осознанный выбор, в том числе задуматься о «цене вопроса», взвесить издержки и приобретения в личном и общественном масштабах (что не всегда просто сделать, учитывая как «зеленую» пропаганду, так и разнонаправленные лоббистские усилия производителей). Новая политика может изменить статус-кво, напрямую повлиять на экономическое положение индивида или группы людей. По факту «зеленый» курс подразумевает экологизацию всех сфер жизнедеятельности человека и изменение его поведения и жизненных ориентиров. Политизация и радикализация экологической повестки не только способствуют объединению общества ради борьбы с общей проблемой, но и ведет его к расколам. Размежевания образуются ввиду множества факторов, как территориальных, гендерных, возрастных, ценностных, так и идентитарных. Это связано в первую очередь с различием в приоритетах населения. Социальные и экономические проблемы все еще превалируют над экологическими, в особенности в современных условиях.

Экологическая идентичность влияет на разрешение проблем от локального уровня до глобального. Интересным примером является опыт продвижения концепции «Ноль отходов» в маленьком городе Капаннори в Италии, где благодаря настойчивости местных жителей удалось избежать строительства мусоросжигающего завода, который мог нарушить экосистему региона, способствовать загрязнению воздуха, ухудшению здоровья местных жителей. Ввиду этого была представлена новая альтернатива – концепция «Ноль отходов» (Zero Waste), практика которой была успешно внедрена на муниципальном уровне, и в дальнейшем другие итальянские, и не только, города начали перенимать ее. Внедрение концепции «ноль отходов» дало импульс для продвижения других экологических практик и формирования у жителей экологической идентичности. Укореняясь в сознании населения, проэкологическое поведение становится культурной нормой. Во многих странах отдельный сбор отходов, использование общественного транспорта, выбор в пользу продуктов с меньшим экологическим следом, уже является делом привычки. Однако на фоне этого возникает «экобуллинг»⁷ и культура отмены, которая стала новым «общественным регулятором» (регулятором общественного мнения). В последнее время несоблюдение экологических практик или отрицание изменения климата становится фактором социального ostracism. Лидеры мнений или бренды оказываются под угрозой быть «отмененными» за использование неэтичных принципов, методов в своей работе или ресурсов.

⁷ Экобуллинг – осуждение, травля и критика за неэкологичный выбор или неэкологичное поведение.

Окружающая среда является частью «широкого социального и информационного контекста», который способен воздействовать на формирование проэкологического поведения. При этом у экспертов есть опасения, что распространение идей радикального экологизма может привести к новым эоцентристским формам управления. Некоторые авторы считают, что единственным вариантом выхода из экологического кризиса станет экодиктатура или экологический авторитаризм (Beeson, 2010; Aydurmus, 2016). Формирование экологического сознания и идентичности может способствовать разрешению дилеммы в пользу обращения к более сбалансированным политико-управленческим подходам.

Таким образом, на современном этапе экологическая идентичность проявляется в политическом процессе в протестной деятельности, продвижении экоинициатив через локальный уровень на государственный, поддержке партий и движений, имеющих «зеленые» ориентиры развития. Множество работ свидетельствует о том, что отчуждение людей от окружающей среды может еще больше усугубить глобальный экологический кризис, способствуя распространению неустойчивых моделей поведения (Riechers et al., 2020). Открываются возможности для борьбы с экологическими и климатическими кризисами. Посредством укоренения в сознании граждан проэкологического выбора снижается риск экологических катастроф, связанных с климатом, и формируется новая модель поведения, основанная на ответственности за свои решения, действия и выбор.

Экологическая идентичность в дискурсах развития

С пониманием масштабов экологического ущерба, причиненного окружающей среде, человечество начало искать альтернативные пути развития. Новые концепции возникли на горизонте научных дискурсов, фокусируясь на разных проблемных аспектах существующего бытия. Еще в начале прошлого века В. И. Вернадский предложил свое видение общественного развития, которое основывалось на гармонии сосуществования человека и природы и на разумном использовании ресурсов (Грачев, 2015). В дальнейшем похожие идеи были закреплены в концепции устойчивого развития, которая стала всемирным императивом в реформировании и преобразовании современных подходов ведения экономической и политической деятельности. Отношения между людьми и природой являются центральными для экоидентичности, и природа должна быть жизненно важной для парадигмы устойчивого развития, а не просто контекстом для исследований (Alastair, 2006).

Однако ориентиры устойчивого развития в этических рамках, основанных на инклюзивности, разнообразии и интеграции, размываются под давлением преобладающей экономической логики, где центральное место занимает этика финансов (Ratiu, Anderson, 2014). Одной из проблем концепции устойчивого развития являются отсутствие баланса и перевес в пользу экологических мер, а также его глобалистская направленность. Особенности культур и традиций плохо вписываются в эту концепцию. Несмотря на все преимущества, она остается утопичной и нереализуемой в современных реалиях. Принимаемые меры рассматриваются либо как запаздывающие и уже не релевантные, либо как недостаточные.

В кругах отечественной науки была представлена концепция «ответственного развития», которая основывается на «нравственной мотивации при выборе приоритетов и ориентации на развитие личностного потенциала человека, на нематериальные (интеллектуальные) ресурсы в производстве и потреблении, на политико-институциональное обеспечение вовлеченности граждан в реализацию важных для сообщества решений на основе гражданской идентичности» (Семененко, 2019: 7). Экологическая идентичность связана с идеями ответственности как на уровне индивида, так и на коллективном уровне. Будущее развитие не представляется оторванным от идей защиты и сохранения природы и природного капитала ввиду надвигающегося экологического кризиса. В настоящее время при реализации модели ответственного развития очевидной трудностью является переход от формулирования этических принципов к их реализации, продвижению на политико-управленческий уровень (Maila, Pitsoe, 2012).

Право на справедливые экономические условия и развитие отражается в инклюзивной, устойчивой экономике и инновационной среде. Существующей в настоящее время диспропорции в эксплуатации природных ресурсов ради краткосрочной выгоды в ущерб будущим поколениям противостоит ответственность за управление водными, океаническими и наземными экосистемами, биоразнообразием и ресурсами. Процессы глобализации создали возможность обхода национальных законов и налогообложения, в то время как международные механизмы работают с трудом. Это оставляет реализацию этических принципов и ценностей развития за человеком (Maila, Pitsoe, 2012). Индивидуальные ценностно мотивированные изменения неизбежно будут предшествовать структурным

сдвигам и стимулировать их трансформацию. Ценности передаются в семье от родителей, друзей и близких, сознательно или бессознательно, на личном примере или через нарративы и закрепляются в рамках системы образования.

В эпоху серьезных и потенциально катастрофических глобальных изменений окружающей среды стимулирование проэкологического поведения является одной из важных задач для разрешения кризиса. Экологическая идентичность проявляется тогда, когда люди осознают последствия своих решений для состояния окружающей среды и принимают на себя ответственность за свой вклад в достижение общих благ. Как бы человек ни отдалялся от природы, от нее зависит его здоровье, благосостояние и сам вопрос дальнейшего существования. Для реализации поставленных целей важно выстраивать систему взаимной ответственности и личного нравственного выбора как культурной нормы.

В современном мире происходит переосмысление ценностных ориентиров и траекторий развития. Экологическая составляющая уже стала ключевым системообразующим направлением политики развития. Экологическая идентичность оказывается одной из основных элементов такой политики, саморегулятором поведения индивида, базирующимся на его ответственности перед другими людьми и перед природой. Однако в условиях алармизации проблемы и безудержного форсирования ее решения, как это происходит сегодня в «развитом мире», изменение поведения и образа жизни в кратчайшие сроки представляется идеалистичным.

Список литературы / References

- Ашхамаф, А. Р. (2010) 'Экологическое сознание: к проблеме определения понятия', *Вестник Адыгейского государственного университета, Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, (3), сс. 15–18. [Ashkhamaf, A. R. (2010) 'Ecological consciousness: to the problem of defining the concept' [Ekologicheskoe soznanie: k probleme opredeleniya ponyatiya], *Bulletin of Adygeya State University, Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*, (3) pp. 15–18. (In Russ.)].
- Грачев, В. А. (2015) 'Учение В. И. Вернадского о ноосфере как основа устойчивого развития'. *Юг России: экология, развитие*, 10(3), сс. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.18470/1992-1098-2015-3-16-23>. [Grachev, V. A. (2015) 'Vernadsky's V.I. theory of noosphere as the basis for sustainable development' [Uchenie V. I. Vernadskogo o noosfere kak osnova ustojchivogo razvitiya], *South of Russia: ecology, development*, 10(3) pp. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.18470/1992-1098-2015-3-16-23> (In Russ.)].
- Дерябо, С. Д., Ясвин, В. А. (1996) *Экологическая педагогика и психология*. Ростов-на-Дону: «Феникс» [Deryabo, S. D., Yasvin, V. A. (1996) *Environmental Pedagogy and Psychology* [Ekologicheskaya pedagogika i psihologiya], Rostov-on-Don: Phoenix (In Russ.)].
- Пантин, В. И. (2017) 'Коллективные и групповые идентичности' в: Семененко, И. С. (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание, Москва: «Весь Мир», сс. 271–274. [Pantin, V. I. (2017) 'Collective and Group Identities' [Kollektivnye i grupovye identichnosti] in: Semenenko, I. S. (eds) *Identity: Personality, Society, Politics*. Encyclopedic Edition [Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie]. Moscow: «Ves' Mir», pp. 271–274. (In Russ.)].
- Короткова, А. В. (2020) 'Экодвижение «Пятницы ради будущего»: первые итоги', *Мировая экономика и Международные отношения*, 64(4), сс. 119–131. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-119-131. [Korotkova, A. V. (2020) Eco-Movement «Fridays for Future»: The First Results [Ekodvizhenie «Pyatnicy radi budushchego»: pervye itogi], *World Economy and International Relations*, 64(4), pp. 119–131. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-119-131 (In Russ.)].
- Конашев, М. Б. (2019) 'Эволюционная теория, экологический кризис и экономика', *Россия: тенденции и перспективы развития*, 14(1), сс. 113–118. [Konashev, M. B. (2019) 'Evolutionary Theory, the Ecological Crisis, and Economics' [Evolucionnaya teoriya, ekologicheskij krizis i ekonomika], *Russia: Trends and Development Prospects*, 14(1), pp. 113–118. (In Russ.)].

- Кудрявцева, В. И., Мельник, Н. Б., Циплакова, Ю. В., Язовская, О. В. (2017) 'Антропоцентризм vs биоэкоцентризм: анализ экологического сознания молодежи', *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, vol. 170, 19(4), сс. 46–56. [Kudriavtseva, V. I., Melnik, N. B., Tsiplakova, U. V., Yazovskaya, O. V. (2017) 'Anthropocentrism vs bioecocentrism: an analysis of young people's ecological consciousness' [Antropocentrizm vs bioekocentrizm: analiz ekologicheskogo soznaniya molodezhi], *Izvestia Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*, vol. 170, 19(4), pp. 46–56. (In Russ.)].
- Олейников, Ю. В., Борзова, Т. В. (2007) 'Сущность и содержание глобального антропогенного экологического кризиса', *Юг России: экология, развитие*, (4), сс. 16–24. [Olejnikov, U. V., & Borzova, T. V. (2007) 'The essence and content of the global anthropogenic ecological crisis' [Sushchnost' i sodержanie global'nogo antropogennoego ekologicheskogo krizisa], *The South of Russia: ecology, development*, (4), pp. 16–24. (In Russ.)].
- Семененко, И. С. (2019) 'Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению', *Полис. Политические исследования*, (3), сс. 7–26. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.02. [Semenenko, I. S. (2019) 'Horizons of Responsible Development: from Discourse to Governance' [Gorizonty otvetstvennogo razvitiya: ot nauchnogo diskursa k politicheskomu upravleniyu], *Polis. Political Studies*, (3), pp. 7–26. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02> (In Russ.)].
- Терешина, М. В., Башмаков, И. С. (2017) 'Экологическая идентичность местных сообществ как ресурс развития «Зеленой» экономики', *Человек, Сообщество. Управление*, 18(1), сс. 6–16. [Tereshina, M. V., Bashmakov, I. S. (2017) 'Ecological identity of local communities as a resource of "Green" economy development' [Ekologicheskaya identichnost' mestnyh soobshchestv kak resurs razvitiya «Zelenoj» ekonomiki], *Human. Community. Governance*, 18(1), pp. 6–16. (In Russ.)].
- Хайнацкая, Т. И. (2021) 'Формирование экологической идентичности в Германии и Италии: акторы и практики', *Современная Европа*, (6), сс. 201–210. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021201210> [Khaynatskaya, T. I. (2021) 'The shaping of environmental identity in Germany and Italy: actors and practices' [Formirovanie ekologicheskoy identichnosti v Germanii i Italii: aktory i praktiki], *Modern Europe*, (6), сс. 201–210. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021201210> (In Russ.)].
- Яницкий, О. Н. (2007) *Экологическая культура*. Москва: Наука. [Yanickij, O. N. (2007) *Environmental Culture* [Ekologicheskaya kul'tura]. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Alastair, B. (2006) 'The Americanisation of Anti-Racism? Global Power and Hegemony in Ethnic Equity', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 32(7), pp. 1083–1103. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691830600821778>.
- Ayudrums, D. (2016) 'Survival Despite the People: Democratic Destruction or Sustainable Meritocracy', *CreateSpace Independent Publishing Platform* [online]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/330578951_Survival_Despite_the_People_Democratic_Destruction_or_Sustainable_Meritocracy (Accessed: 10 February 2022).
- Beeson, M. (2010) 'The coming of environmental authoritarianism', *Environmental Politics*, 19(2), pp. 276–294. DOI: 10.1080/09644010903576918.
- Bentley, J. H. (2013) 'Environmental Crises in World History', *Procedia Social and Behavior Science*, 77, pp. 108–115. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.03.067.
- Booth, D. E. (2021) 'Post-materialism's Social Class Divide: Experiences and Life Satisfaction', *Journal of Human Values*, 27(2), pp. 141–160. DOI: 10.1177/0971685820946180.
- Devall, B. (1982) 'Ecological consciousness and ecological resisting: Guidelines for comprehension and research', *Humboldt Journal of Social Relations*, 9(2), pp. 177–196.
- Dono, J., Webb, J., Richardson, B. (2010) 'The relationship between environmental activism, pro-environmental behaviour and social identity', *Journal of Environmental Psychology*, 30(2), pp. 178–186. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.11.006>.
- Dunlap, R. E., Van Liere, K. D., Mertig, A. G., Emmet Jones, R. (2000) 'Measuring endorsement of the new ecological para-

- digm: A revised NEP scale, *Journal of Social Issues*, 56(3), pp. 425–442. DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00176>.
- The Energy & Climate Intelligence Unit (2021) Taking stock: A global assessment of net zero targets [online]. Available at: https://cal-eci.edcdn.com/reports/ECIU-Oxford_Taking_Stock.pdf?mtime=20210323005817&focal=none (Accessed: 27 April 2022) Eurobarometer: Climate Change. (2021) European Union [online]. Available at: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2273> (Accessed: 2 March 2022).
- Fielding, K. S., Hornsey, M. J. (2016) ‘A Social Identity Analysis of Climate Change and Environmental Attitudes and Behaviors: Insights and Opportunities’, *Frontiers in Psychology*, 7. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00121.
- Grey, W. (1993) ‘Anthropocentrism and Deep Ecology’, *Australasian Journal of Philosophy*, 71(4), pp. 463–475. DOI: 10.1080/00048409312345442.
- Arnold, H. E., Cohen, F. G., Warner, A. (2009) ‘Youth and Environmental Action: Perspectives of Young Environmental Leaders on Their Formative Influences’, *The Journal of Environmental Education*, 40(3), pp. 27–36. DOI: 10.3200/JOEE.40.3.27-36.
- Hay, C. (2007) *Why we Hate Politics*. Cambridge: Polity Press.
- Inglehart, R. (1995) ‘Public Support for Environmental Protection: Objective Problems and Subjective Values in 43 Societies’ *PS: Political Science and Politics*, 28 (1), pp. 57–72. DOI:10.2307/420583.
- Clayton, S., Opatow, S. (eds.) (2003) *Identity and the Natural Environment*. Cambridge: MIT Press.
- Clayton, S., Irkhin, B., Nartova-Bochaver, S. (2019) ‘Environmental Identity in Russia: Validation and Relationship to the Concern for People and Plants’. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 16(1), pp. 85–107. DOI: 16.10.17323/1813-8918-2019-1-85-107.
- Iizuka, M. (2000) *Role of Environmental Awareness in Achieving Sustainable Development*. DOI: 10.13140/RG.2.1.3156.6484.
- Klandermans, P. G. (2014) ‘Identity politics and politicized identities: Identity processes and the dynamics of protest’, *Political Psychology*, 35(1), pp. 1–22.
- Kulin, J., Sevā, I. (2021) ‘Quality of government and the relationship between environmental concern and pro-environmental behavior: a cross-national study’, *Environmental Politics*, 30(5), pp. 727–752. DOI: 10.1080/09644016.2020.1809160.
- Mailam, M. W., Pitsoe, V. J. (2012) ‘Globalization, Sustainability and Ethics: What are the Critical Links for Present and Future Generations?’, *Journal of Human Ecology*, 40(1), pp. 43–51. DOI: 10.1080/09709274.2012.11906522.
- Marris, E. (2019) ‘Why young climate activists have captured the world’s attention’, *Nature* [online]. Available at: <https://www.nature.com/articles/d41586-019-02696-0> (Accessed: 15 March 2022).
- Marshall, B. K. (1999) ‘Globalisation, Environmental Degradation and Ulrich Beck’s Risk Society’, *Environmental Values*, 8(2), pp. 253–275.
- Matsuba, M. K., Pratt, M. W., Norris, J. E., Mohle, E., Alisat, S., McAdams, D. P. (2012) ‘Environmentalism as a context for expressing identity and generativity: patterns among activists and uninvolved youth and midlife adults’, *Journal of personality*, 80(4), pp.1091–1115. DOI: 10.1111/j.1467-6494.2012.00765.x.
- Mikuła, A., Raczowska, M., Utzig, M. (2021) ‘Pro-Environmental Behaviour in the European Union Countries’, *Energies*, 14, p. 5689. DOI: 10.3390/en14185689.
- McShane, K. (2016) ‘Anthropocentrism in Climate Ethics and Policy’. *Midwest Studies In Philosophy*, 40(1), pp. 189–204. DOI:10.1111/misp.12055.
- Pew Research Center (2021) ‘Gen Z, Millennials Stand Out for Climate Change Activism, Social Media Engagement with Issue’, *Pew Research Center* [online]. Available at: <https://www.pewresearch.org/science/2021/05/26/gen-z-millennials-stand-out-for-climate-change-activism-social-media-engagement-with-issue/> (Accessed: 20 March 2022).
- Ratiu, C. Anderson, B. (2014) ‘The identity crisis of sustainable development’, *World Journal of Science*, 11. DOI: 10.1108/WJSTSD-08-2013-0033.
- Riechers, M., Á., Balázs, Abson, D. J., Fischer, J. (2020) ‘The influence of landscape change on multiple dimensions of human–nature connectedness’, *Ecology and Society* 25(3), 3. DOI: <https://doi.org/10.5751/ES-11651-250303>.
- Ross, A. D., Rouse, S. M. and Mobley, W. (2019) ‘Polarization of Climate Change

- Beliefs: The Role of the Millennial Generation Identity', *Social Science Quarterly*, 100 pp. 2625–2640. DOI:10.1111/ssqu.12640.
- Sengupta, S. (2020) 'How Europe Turned into a Perfect Landscape for Wildfires', *The New York Times* [online]. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/02/05/climate/forests-europe-climate-changed.html> (Accessed: 15 March 2022).
- Stern, P. C. (2000) 'Theory of environmentally significant behavior', *Journal of Social Issues*, 56(3), pp. 407–424. DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00175>.
- Thomashow, M. (1995) *Ecological identity: Becoming a reflective environmentalist*. Cambridge: MIT Press.
- UNEP (2019) 'Global Environment Outlook 6', *UNEP* [online]. Available at: https://www.unep.org/resources/global-environment-outlook-6?_ga=2.75305813.633314003.1647342880-1682040374.1645095995 (Accessed: 27 April 2022).
- UNEP (2019) 'Environmental Rule of Law: First Global Report', *UNEP* [online]. Available at: <https://www.unep.org/resources/assessment/environmental-rule-law-first-global-report> (Accessed: 27 April 2022).
- Vandenbergh, M. P., Cohen. M. A. (2010) 'Climate Change Governance: Boundaries and Leakage', *18 New York University Environmental Law Journal*, p. 221.
- Wiedmann, T., Lenzen, M., Keyßer, L. T. et al. (2020) 'Scientists' warning on affluence. *Nat Commun*', 11, p. 3107. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-020-16941-y>.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 03.05.2022

Статья принята к печати: 10.05.2022

ENVIRONMENTAL IDENTITY AS A TOOL FOR CRISIS MANAGEMENT

T. I. Khaynatskaya

T. I. Khaynatskaya, Junior Research Fellow,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science.

E-mail: tkhaynatskaya@gmail.com (ORCID: 0000-0002-6364-4765).

Abstract

Climate change, consumerism, and the decline of biodiversity may indicate a disruption of the fragile balance of nature and the onset of a systemic ecological crisis. Environmental degradation is forcing the search for new patterns in the relations between humans and the natural environment. Based on the analysis of scientific discourses on the societal dimension of crisis and development concepts, the article examines the role of environmental identity in anti-crisis management. A large number of studies are devoted to the analysis of its nature, methods of formation and measurement, but the potential of the category itself as a way to solve practical problems remains understudied. The importance of examining environmental identity in political science is determined by its explanatory potential of the political process around environmental issues. The article shows that the formation of individual environmental identity and the consistent transition from cognitive to active component contributes to the emergence of group environmental identity, which may subsequently acquire a politicized form. While collective politicized identity has a direct influence on the decision-making process, environmental identity acts as a self-regulator of individual behavior. Whereas pro-environmental behavior reduces environmental burdens, which can further contribute to resolving the crisis and/or mitigating its consequences.

Keywords: environmental identity; environmental policy; crisis management; environmental discourses; politicized environmental identity.